

HARLEQUIN

009

Кэрол Мортимер
**РУЖЕВНОЙ
ВЕЕР**

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Исторический роман – Harlequin

Кэрол Мортимер
Кружевной веер

«Центрполиграф»

2011

Мортимер К.

Кружевной веер / К. Мортимер — «Центрполиграф»,
2011 — (Исторический роман – Harlequin)

Продолжение романа Кэрол Мортимер «Золотая маска». Гейбриел Фолкнер, герой войны, аристократ и красавец, неожиданно для себя унаследовал графский титул, огромные капиталы и... трех незамужних дочерей прежнего графа. Взвесив все за и против, новоиспеченный граф Уэстборн решает жениться на одной из них. Девушки, однако, отказывают ему. Более того, младшие сбежали из родового поместья, а старшая, леди Диана, без его разрешения явилась в Лондон. Гейбриел понимает, почему три его подопечные повели себя таким образом. Причина – в его прошлом. И вдруг Диана неожиданно соглашается стать его женой. Гейбриел под маской высокомерия прячет свою боль, она блеском своей красоты и утонченными манерами, словно кружевным веером, скрывает свою. Что ждет их в браке – радости или страдания?

© Мортимер К., 2011

© Центрполиграф, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Кэрол Мортимер

Кружевной веер

Глава 1

– Боже правый, Натаньел, что ты с собой сделал? – воскликнул лорд Гейбриел Фолкнер, граф Уэстборн, забыв о своей всегдашней заносчивой самоуверенности. Увидев распростертого на кровати друга, Гейбриел застыл как вкопанный на пороге комнаты. Лицо Натаньела Торна, графа Озборна, покрывали многочисленные шрамы и кровоподтеки всех цветов радуги; голую мускулистую грудь украшала широкая повязка, свидетельствующая о том, что у Торна, помимо всего прочего, сломано несколько ребер. – Прошу прощения, мадам. – Опомившись, Гейбриел обернулся и учтиво поклонился стоящей у двери даме.

– Вам не за что просить у меня прощения, милорд, – сухо парировала миссис Гертруда Уилсон, тетка Озборна. – Я тоже пережила потрясение, когда четыре дня назад увидела своего племянника в таком состоянии.

– Может быть, перестанете говорить обо мне так, словно меня здесь нет? – вмешался Натаньел, явно раздраженный беседой друга и тетки.

– Натаньел, врач предписал тебе полный покой, – сурово заявила его тетка, сверля Гейбриела пронизательным взглядом своих серо-стальных глаз. – Итак, милорд, я вас оставляю. Но предупреждаю, я вернусь ровно через десять минут! Видите ли, Натаньелу куда полезнее тишина и покой, чем досужие разговоры.

Миссис Уилсон вышла в коридор и властно позвала:

– Пойдемте, Бетси! Гектору пора гулять!

Гейбриел не сразу понял, к кому обращены последние слова миссис Уилсон. Но вот из тени вышла молодая стройная девушка с кудрями цвета черного дерева, обрамляющими бледный овал лица, которое очень красили огромные голубые глаза. Девушка прижимала к груди белую собачку.

– Если мне и дальше придется терпеть подобное обращение, я, пожалуй, сверну кому-нибудь шею от скуки, – проворчал Натаньел, как только тетка и ее компаньонка удалились и два друга наконец остались одни. – Как я рад тебя видеть, Гейб! – заметно приветливее продолжал он и даже попробовал приподняться, но сморщился, и Гейбриел понял, что друг просто храбрится, на самом деле ему очень больно.

– Не вставай, старина. – Гейбриел подошел к кровати друга. На его красивом лице появилось обычное немного высокомерное выражение, темно-синие глаза смотрели пронизательно и строго. Несмотря на то что последние восемь лет граф Уэстборн провел вдали от Англии, внешне он являл собой образец английского денди – высокий, темноволосый, в превосходно сшитом тонком сюртуке, серебристом жилете, серых панталонах и черных высоких сапогах.

Озборн опустил на гору подушек.

– Ты ведь говорил, что, как только вернешься из Венеции, не задерживаясь в Лондоне, поедешь в Шорли-Парк? Невольно напрашивается вопрос...

– Нат, кажется, твоя тетушка предписала тебе полный покой, – недовольно буркнул Гейбриел, хмурия темные брови.

Озборн помрачнел:

– Да, после того, как бесцеремонно увезла меня из собственного дома и окружила своей назойливой опекой! Иногда мне кажется: позволь я тете Гертруде поступать как ей заблагорассудится, она бы привязала меня к кровати и отказывала принимать всех моих гостей!

Слушая ворчанье друга, Гейбриел понимал, что тетка Ната поступила совершенно правильно. Он видел, что каждое движение дается Натой с трудом. Сейчас ему просто необходим должный уход!

– Что же с тобой стряслось, Нат? – спросил Гейбриел, усаживаясь на стул рядом с кроватью.

Озборн поморщился:

– Я помню, что ты сказал, едва увидел меня. Так вот, позволь тебя заверить, что сам я ничего с собой не делал!

Так как друзья бок о бок сражались с Наполеоном целых пять лет, Гейбриел прекрасно помнил, как ловко его друг Озборн умеет управляться и с мечом, и с пистолетом.

– Как же все произошло?

– Небольшая... потасовка у входа в новый клуб Доминика; против меня было четыре пары кулаков и столько же ног, обутых в кованые сапоги.

– Ага! – кивнул Гейбриел. – А не имеют ли твои кулаки и сапоги отношения к слухам, которые ходят по городу? Слухи связаны с внезапной кончиной некоего мистера Николаса Брауна...

Натаньел одобрительно улыбнулся:

– Значит, ты уже виделся с Домиником?

Речь шла об их общем друге Доминике Воне, графе Блэкстоуне, который выиграл в карты у одного мошенника по имени Николас Браун клуб под названием «У Ника». Он очень жалел о проигрыше, мечтал вернуть утраченное и осыпал Доминика угрозами, а затем перешел от слов к делу... В конце концов Доминику пришлось решить вопрос с Брауном радикально.

– К сожалению, я с ним не виделся. Сразу по возвращении в Лондон, то есть сегодня утром, я отправился к нему в Блэкстоун-Хаус, но мне сообщили, что Доминика нет дома. Более того, я узнал, что Доминик на несколько дней уехал за город, – задумчиво продолжал Гейбриел.

Они втроем дружили со школы; их дружба не прервалась даже несмотря на то, что восемь лет назад Гейбриел вынужден был покинуть родину и поселиться в Европе. Сейчас Гейбриел от всей души надеялся, что внезапный отъезд Доминика из Лондона не означает срочной необходимости. Он не мог допустить и мысли о том, чтобы его другу из-за убийства негодяя Брауна пришлось изведать тот же тяжкий жребий, что и ему...

– Гейб, дело совсем не в том, о чем ты сейчас подумал. – Расплывшись в улыбке, Натаньел взял с прикроватной тумбочки письмо и протянул его другу. – Представителей власти совершенно удовлетворили показания Доминика о том, что произошло между ним и Брауном. Судя по всему, Доминик поехал в Хэмпшир, чтобы познакомиться с родственниками женщины, на которой он намерен жениться. Вот что он написал мне перед отъездом.

Гейбриел быстро пробежал глазами послание друга. Очевидно, Доминик писал в спешке, потому что сведений в его письме оказалось крайне мало. Единственное, что можно было узнать, – Доминик в самом деле едет в Хэмпшир, намереваясь попросить разрешения на брак у опекуна своей невесты.

– А кто такая мисс Мортон? – небрежно осведомился Гейбриел, кладя письмо обратно на прикроватную тумбочку.

– Совершеннейшая красавица. – Озборн одобрительно подмигнул. – Конечно, вначале я не имел возможности оценить ее внешность по достоинству. В первую нашу с ней встречу ее лицо было спрятано под маской, инкрустированной драгоценными камнями, да к тому же ее волосы были скрыты париком цвета черного дерева. Но едва она сняла маску...

– Что?! Она была в маске и парике?! – ошеломленно переспросил Гейбриел.

Озборн как будто немного смутился.

– В тот вечер, когда завязалась та самая потасовка, она пела в клубе «У Ника»; у нас с Домом не оставалось другого выхода, кроме как вмешаться и... – Он замолчал, видя, что Гейбриел предостерегающе поднял руку.

– Позволь убедиться, что я правильно тебя понял, – мрачно произнес Гейбриел. – Ты и в самом деле хочешь сказать, что Блэкстоун собирается связать себя узами брака с женщиной, которая до недавнего времени пела в игорном клубе в парике, спрятав лицо под маской?! – В голосе его явственно слышалось неодобрение.

– Да... так и есть... – кивнул несколько растерявшийся Озборн.

– Доминик что, совсем потерял рассудок? А может, его тоже как следует угостили владельцы тех же сапог и кулаков, которые так отделали тебя? Может, он получил удар по голове? – взорвался Гейбриел. Он не видел иного объяснения странного поступка обычно здравомыслящего друга. Подумать только! Доминик всерьез собирается жениться на певичке из игорного клуба – пусть она даже раскрасавица!

Натаньел пожал плечами:

– Доминик в письме пообещал все объяснить, когда вернется в Лондон.

– Когда он вернется, будет уже поздно спасти его от опрометчивого шага; ни один нормальный опекун и не подумает отказать графу, желающему жениться на его воспитаннице! Более того, не удивлюсь, если Доминик вернется в Лондон уже мужем этой предприимчивой особы!

Гейбриел посуровел. Он не сомневался, что «совершеннейшая красавица», как ее описал Озборн, ловко завлекла его друга в свои сети.

– Об этом я не подумал, – признался Натаньел, тоже мрачней. – Когда я с ней говорил, она показалась мне настоящей леди.

– Мой милый Нат, возможно, я слишком долго отсутствовал в Лондоне и отстал от жизни, – сухо ответил Гейбриел. – И все-таки мне не верится, что общество так сильно изменилось и настоящие леди теперь выступают в мужских клубах!

Натаньел хмыкнул.

– Ты ведь тоже едешь в Хэмпшир; может быть, заодно разыщешь там Доминика и...

– Совершенно верно, сразу по возвращении я собирался ехать в Шорли-Парк, но положение изменилось. – Гейбриел поджал губы, вспоминая разговор, состоявшийся чуть раньше в конторе его поверенного и перевернувший все его замыслы. – Я вернулся в Англию всего несколько часов назад; на пристани меня ждал посыльный моего поверенного. Он вручил мне письмо с просьбой о немедленной встрече. Итак, дело в том, что все три девицы Коупленд – которые, как тебе известно, отклонили мое брачное предложение – покинули Шорли-Парк. Несомненно, они бежали, получив известие о моем скором приезде.

Такое происшествие совсем не порадовало Гейбриела. Он и без того чувствовал себя оскорбленным из-за того, что все три его подопечные, которые ни разу в жизни его не видели, отказались выйти за него замуж. Теперь ему придется еще разыскивать беглянок по всей стране!

Полгода назад, вследствие того, что двое молодых людей, его дальних родственников, погибли в битве при Ватерлоо, Гейбриел совершенно неожиданно для себя унаследовал графский титул и имущество покойного графа Уэстборна. Кроме того, он стал опекуном трех незамужних дочерей прежнего графа. Взвесив все за и против, Гейбриел счел приличным сделать одной из своих подопечных предложение. Графу необходимо иметь наследников; ему же было все равно, на ком жениться. Три девицы посмели не только отказать ему, но и, словно желая посыпать соль на его раны, восстали даже против его опеки. Таковую дерзость Гейбриел не намерен был сносить!

– Я заезжал к Доминику, потому что рассчитывал, что он не отменил свое приглашение, и собирался немного пожить в его лондонской резиденции. – Гейбриел пожал плечами. – Но раз он уехал из города, придется мне ехать к себе, в Уэстборн-Хаус.

– Там же десять лет никто не жил! – поморщился Натаньел. – Дом наверняка превратился в настоящий склеп, где привольно живут только мыши да крысы.

Гейбриел прекрасно понимал, в каком запущенном состоянии находится Уэстборн-Хаус. Именно поэтому он все утро придумывал себе разные дела, лишь бы не ехать в особняк, ставший его домом по праву. После беседы с поверенным он вначале отправился к Доминику, но ему сообщили, что его друг уехал из города. Тогда он проследовал в лондонскую резиденцию Натаньела, но узнал, что второй его друг сейчас гостит в доме своей тетки, миссис Гертруды Уилсон. Значит, и у Натаньела остановиться не удастся.

– Несмотря на мое отсутствие, Озборн-Хаус в твоём полном распоряжении, живи там сколько хочешь, – вдруг сказал Натаньел, словно прочел его мысли. – Я бы и сам охотно вернулся туда вместе с тобой, если бы моя тетка не вбила себе в голову непременно сегодня увезти меня за город. – Похоже, такая перспектива его совсем не радовала. – Послушай моего совета, Гейб, – не позволяй женщинам одерживать над собой верх: они ловко пользуются своими преимуществами, видя, что тебе плохо.

Гейбриел вовсе не собирался позволять ни одной женщине, кем бы она ни была, снова одерживать над собой верх. Восемь лет назад он получил очень тяжелый урок...

– Ох, прости меня, пожалуйста! – воскликнул Озборн, тоже вспомнив о тех давних событиях. – Я вовсе не имел в виду...

– Нат, уверяю тебя, я нисколько не обиделся. Спасибо за приглашение, но, боюсь, на некоторое время мне все же придется сделать своей резиденцией Уэстборн-Хаус, – поднимаясь, нехотя сообщил Гейбриел. – А пока надо будет послать в Хэмпшир какого-нибудь надежного человека, чтобы он разыскал там Доминика и, возможно, привел его в чувство, если еще не поздно, – добавил он с мрачным видом. – Гейбриел прекрасно знал, что общество ни за что не простит графа, осмелившегося жениться на певичке из игорного клуба. – Ну а теперь, пожалуй, мне пора откланяться, не то вернется миссис Уилсон и велит выставить меня отсюда силой! – Он тщательно расправил кружевные манжеты рубашки.

– Хотелось бы мне на это взглянуть! – фыркнул его друг, звоня в колокольчик, чтобы кто-нибудь из слуг проводил Гейбриела. – Пусть тетя Гертруда временно и одержала надо мной верх, сомневаюсь, что ей удастся проделать такой же трюк с тобой.

По правде говоря, вежливое, хотя и холодноватое отношение миссис Уилсон Гейбриел воспринял даже с некоторым облегчением – ведь общество много лет отвергало его. Видимо, сейчас свою роль сыграл недавно полученный им по наследству графский титул.

– Считаю, что тебе повезло – у тебя есть родственница, которая сильно к тебе привязана и печется о тебе, – сухо ответил он. Он сам за восемь лет изгнания не получил от родных ни единого письма. Очевидно, близким все равно, где он и что с ним, не говоря уже о состоянии его здоровья!

По пути в Уэстборн-Хаус Гейбриел размышлял о том, что его ждет. Он стал обладателем одного из стариннейших и наиболее почитаемых титулов и получил в свое распоряжение огромные капиталы, земельные угодья и власть. Возможно, и родня, восемь лет назад отказавшаяся от него, теперь переменит свое отношение. Мрачней, Гейбриел подумал: даже если их отношение и переменится, ему не хочется возобновлять связи ни с кем из родственников.

Впрочем, его подчеркнуто равнодушное выражение лица все же изменилось, когда он прибыл в Уэстборн-Хаус.

Парадную дверь ему открыл дворецкий в безупречной ливрее. Представившись по всей форме, он сообщил:

– Леди Дианы сейчас нет дома, милорд, но мы вскоре ожидаем ее возвращения.

Леди Диана Коупленд? Одна из дочерей покойного графа? Мятежная девица, которая убежала из дома? Если так, давно ли она приехала в Лондон?

– Граф просил вас немедленно по возвращении прийти к нему в библиотеку, – церемонно сообщил Соумз леди Диане Коупленд, открыв ей дверь.

Слова дворецкого заставили ее замереть на пороге.

– Какой граф?

– Граф Уэстборн, миледи.

Граф Уэстборн!

Лорд Гейбриел Фолкнер?

Здесь?!

Сейчас?!

Ждет ее в библиотеке?!

Она поспешила укорить себя. Чему она удивляется? Кто, кроме новоиспеченного графа Уэстборна, имеет больше прав ожидать Диану в библиотеке – теперь его библиотеке? И потом, разве не она сама давно мечтала увидеть графа и высказать ему в лицо, что она думает о нем самом, его заочном предложении руки и сердца ей и двум ее сестрам и о том, что случилось после его абсурдного предложения?

Словно заранее готовясь к разговору, Диана расправила плечи.

– Благодарю вас, Соумз! – Она уверенно проследовала в холл, где сняла шляпку и передала ее вместе с зонтиком горничной, сопровождавшей ее в утренней поездке. – Тетя Хамфриз по-прежнему у себя?

– Да, миледи, – невозмутимо ответил дворецкий. Лицо его, как и подобает образцовому слуге, было абсолютно бесстрастно.

Тем не менее Диана почувствовала, что Соумз не одобряет поведения миссис Хамфриз. Три дня назад, сразу по приезде в Уэстборн-Хаус, тетя заявила, что плохо себя чувствует, и с тех пор так и не покидала отведенных ей комнат. Диане самой пришлось следить за тем, чтобы особняк был вычищен и прибран от чердака до подвала.

Отправляясь в столицу, Диана не знала, что представляет собой Уэстборн-Хаус. Отец не возил дочерей в Лондон, а потому они не имели возможности пожить в фамильном особняке. Покойный граф Уэстборн также не удостаивал столицу своим присутствием целых десять лет – до самой смерти, постигшей его полгода назад.

Приехав в Уэстборн-Хаус, Диана увидела, что, как она и боялась, дом пребывает в атмосфере упадка и небрежения. Кроме того, выяснилось, что новоиспеченный граф еще не приехал из Венеции в свою лондонскую резиденцию. Несколько оставшихся здесь слуг имели почти такой же жалкий и заброшенный вид, как и сам дом в отсутствие хозяина или хозяйки, которые потребовали бы, чтобы слуги исполняли свои обязанности. Вот почему первым делом Диана занялась прислугой. Она уволила тех, кто не желал или не мог работать, и наняла на их место новых, сразу же поручив им привести дом в пристойный вид. К ее удовлетворению, слуги отлично справились со своей задачей. Деревянные поверхности были хорошо отполированы, полы до блеска натерты. Двери и окна каждый день на много часов оставляли открытыми, чтобы выветрился запах плесени. Диана надеялась, что новый граф Уэстборн обрадуется – ведь его лондонская резиденция полностью пригодна для жилья! Впрочем, ей вскоре предстоит все узнать, ведь сейчас она с ним увидится...

– Соумз, пожалуйста, принесите в библиотеку чай, – весело попросила она. Ей приятно было, что все слуги, и старые и новые, отлично работают под руководством нового дворецкого, которого она лично приняла на работу после предварительной беседы.

– Слушаю, миледи. – Соумз чопорно поклонился. – Прикажете подать чай на одного или на двоих? Его светлость почти час назад приказал принести ему в библиотеку графин бренди, – пояснил он, встретив вопросительный взгляд Дианы.

Взгляд Дианы невольно устремился к стоящим в холле напольным часам. Сейчас полдень – не рановато ли новоиспеченный граф приступает к крепким напиткам?

Правда, что известно о столичных нравах ей, прожившей двадцать один год – всю жизнь – в сельской глуши? А может, граф, проведя столько лет в Венеции, усвоил итальянские обычаи?

Как бы там ни было, в такое время дня чашка чаю окажется куда полезнее лорду Гейбриелу Фолкнеру, чем стакан-другой бренди.

– На двоих, Соумз. Спасибо!

Она кивнула, глубоко вздохнула и зашагала к библиотеке.

– Войдите! – сухо произнес Гейбриел, когда в дверь постучали. Он стоял в эркере, держа в руке бокал, до половины налитый бренди, и смотрел в окно на сад, вернее, на то, что, после должной заботы, должно было превратиться в сад, но сейчас куда больше напоминало буйно разросшиеся джунгли. У того, чьими заботами дом подготовлен к его приезду – скорее всего, это леди Диана, – до сада руки пока явно не дошли!

Он обернулся; солнце светило ему в спину, и потому лицо оставалось в тени. Он же прекрасно видел стоящую на пороге модно одетую элегантную молодую девушку. Войдя, она плотно закрыла за собой дверь.

Гейбриел сразу обратил внимание на ее роскошные волосы – золотисто-рыжие, выющиеся, густые, уложенные в сложную высокую прическу, из которой на затылке и на лбу выбивалось несколько непокорных кудряшек. Мягкость волос вступала в легкое противоречие с горделивой посадкой головы. Глаза ее, ярко-голубого цвета, осуждающе сверкнули при виде стакана с бренди, который он сжимал в руке. Затем она окинула вызывающим взглядом лицо Гейбриела и неодобрительно вскинула вверх свой слегка заостренный подбородок.

– Леди Диана Коупленд, я полагаю? – Гейбриел сухо поклонился, не выдавая своих чувств ни голосом, ни жестом. Почему она приехала в Лондон, когда он недвусмысленно приказал трем сестрам дожидаться его возвращения в Хэмпшире, в поместье Шорли-Парк?

Она присела в книксене и так же сухо ответила:

– Да, милорд.

Всего два слова. И все же мурашки пробежали у Гейбриела по коже при звуках ее грудного, низкого голоса. Такой голос совсем не подходит молодой благородной даме, куда больше он подходит пылкой любовнице, которая шепчет признания или поощряет возлюбленного в постели...

Поймав себя на несвоевременных мыслях, он прищурился:

– Которая же вы по возрасту из трех леди Коупленд? – По правде говоря, Гейбриела совсем не интересовали три его подопечные, доставшиеся ему вместе с титулом. Он почти ничего не знал о них, кроме того, что все три девицы уже достигли брачного возраста. Он самонадеянно счел их достаточно взрослыми для того, чтобы одна из них согласилась стать его женой. Но они ему отказали. Вспомнив о полученном ударе, он помрачнел.

– Я самая старшая, милорд. – Диана Коупленд шагнула ближе; в солнечных лучах ее волосы тут же стали скорее золотыми, чем рыжими. – И хотела бы поговорить с вами о своих сестрах.

– Поскольку двух ваших сестер сейчас нет здесь, я не испытываю абсолютно никакого желания говорить о них, – с досадой ответил Гейбриел. – Но вот вы...

– Тогда, может быть, хотя бы попробуйте что-нибудь узнать о них? – холодно поинтересовалась Диана, в негодовании передернув стройными плечами.

– Моя милая Диана... полагаю, будучи вашим опекуном, я могу вас так называть... предлагаю в будущем, – продолжал он, не дожидаясь ее согласия, – не указывать мне, что делать и чего не делать. – Прослужив много лет в армии и привыкнув командовать людьми, Гейбриел вовсе не считал достойной соперницей самоуверенную барышню, которая, очевидно, привыкла во всем поступать по-своему. – Более того, решать, что следует, а чего не следует обсуждать нам с вами, буду я. Сейчас же основной вопрос заключается в следующем. Почему вы, вопреки моим распоряжениям, позволили себе приехать в Лондон? – Он вышел из эркера и шагнул ей навстречу.

Диана готова была ответить колкостью на его упрек в самонадеянности, однако слова замерли у нее на устах, когда лорд Гейбриел Фолкнер оказался на виду и она впервые увидела его лицо. Он оказался поистине... великолепным! Никакое другое слово не способно полностью описать его своеобразную надменную красоту. Диана невольно залюбовалась его волевым подбородком, великолепно очерченными губами, высокими скулами, прямым аристократическим носом. А его глаза... Его глаза оказались темно-синими, их цвет напоминал зимнюю ночь. Прядь темных волос, причесанных по последней моде, спадала на лоб, придавая ему щегольской вид. На затылке волосы вились. Черный сюртук выгодно подчеркивал широкие плечи; из-под сюртука виднелся серебристый жилет, также сшитый по последней моде. Серые панталоны и черные, начищенные до зеркального блеска высокие сапоги облегли сильные, стройные ноги.

Да, за всю свою недолгую жизнь Диана еще не встречала такого красивого, элегантного аристократа, как лорд Гейбриел Фолкнер!

– Диана, вы так и не ответили, почему ослушались моего приказа и приехали в столицу... И такого надменного!

Лишившись матери одиннадцати лет от роду, Диана вынуждена была заменить ее двум младшим сестрам. Кроме того, она с юных лет привыкла быть хозяйкой в отцовском доме. Вот почему она куда чаще сама отдавала приказания, чем получала их от кого бы то ни было.

Ее заостренный подбородок снова взметнулся вверх.

– Мистер Джонстон уведомил нас, что по своем прибытии из Венеции вы пожалуете в Шорли-Парк, как только сочтете возможным. Так как он не назвал точной даты вашего приезда, в сложившейся щекотливой ситуации я решила действовать на свой страх и риск.

Такой же надменный, как и гордый, Гейбриел не без изумления обзревал горделивую посадку ее красивой головы и вызывающе вздернутого подбородка. Если он не ошибается, Диана заранее развила в себе личную неприязнь к нему, а также к его роли опекуна. Последнее Гейбриел понимал без труда; как он уяснил со слов поверенного, Уильяма Джонстона, Диана хозяйничает в Шорли-Парке со смерти ее матери, Харриет Коупленд, то есть вот уже десять лет. Поэтому она не привыкла никому подчиняться, и меньше всего – опекуну, которого ни разу в жизни не видела.

Не приходится удивляться и ее личной неприязни к нему. Впрочем, для того, чтобы сложилось то или иное отношение к человеку, обычно требуется какое-то время. Они же знакомы всего несколько минут. Неужели леди Диана прониклась к нему отвращением еще до того, как встретила его?

Он насмешливо вздернул черную бровь:

– Осмелюсь спросить, о какой щекотливой ситуации вы изволите упоминать?

Ее бледные щеки порозовели, отчего она сразу еще похорошела; ее голубые глаза засверкали, потому что она, очевидно, уловила в его голосе насмешку.

– Разумеется, я говорю об исчезновении моих сестер!

– Что? – Гейбриел вздрогнул. Он, конечно, знал, что сестры Коупленд уехали из Шорли-Парка, но, после того как ему сообщили, что Диана находится в Уэстборн-Хаус, он решил, что

ее сестры либо приехали в Лондон вместе с ней, либо ей известно об их местонахождении. – Объяснитесь, и, если можно, ясно и четко! – Он стиснул зубы, на его скулах заходили желваки.

Диана бросила на него испепеляющий взгляд:

– Каролину и Элизабет так... напугало ваше брачное предложение, что обе они решили сбежать из родного дома... одному Небу известно куда!

Резко выдохнув, Гейбриел осторожно поставил бокал на стол. Затем он повернулся к Диане спиной и снова посмотрел в окно. Хотя он уже знал, что три сестры Коупленд уехали из Шорли-Парка, весть о том, что его брачное предложение вынудило двух младших бежать куда глаза глядят, задела его гордость. Гейбриелу казалось, что он давно развил в себе невосприимчивость к подобным проявлениям, однако поступок девиц Коупленд, как ни странно, задел его до глубины души. Много лет он вынужден был жить опозоренным; из тех, кого он раньше любил, к кому был неравнодушен, в его невиновность верили лишь его друзья Блэкстоун и Озборн. Пять лет он провел на войне, и ему, в общем, было все равно, останется он жив или погибнет. Его безоглядная удаля снискала ему славу героя в глазах сослуживцев – офицеров и солдат. Теперь же, узнав, что две молодые девицы предпочли бежать из дома, получив предложение руки и сердца печально знаменитого в прошлом лорда Гейбриела Фолкнера, он понял, что их поступок растравил его рану, которую он считал пусть и незажившей, но забытой...

– Милорд...

Гейбриел глубоко вздохнул и, стиснув кулаки, решительно отогнал неприятные воспоминания, которым не было места в настоящем.

– Милорд, что с вами? – Диана невольно попятилась, увидев, как надменное, красивое лицо Гейбриела исказила холодная ярость. Он метнул на нее испепеляющий взгляд, глаза его засверкали и показались ей черными, как у самого дьявола.

– А вы не испытали желания убежать? – негромко спросил он, подняв темные брови.

По правде говоря, мысль о побеге ни разу не приходила Диане в голову. Уходить от трудностей не в ее характере! Когда же она узнала о бегстве сестер, на нее навалилось столько забот, что времени подумать о чем-то другом просто не осталось. И даже если бы осталось... что она могла сделать?

Целых десять лет она отвечала за все, считалась самой практичной и разумной из трех сестер. Годы ответственности сильно изменили легкомысленную, озорную девчущку, какой она когда-то была. Теперь Диана уже не представляла, как можно действовать, повинувшись первому порыву, или ставить собственные нужды превыше нужд отца и сестер. Нет, она определенно не помышляла бежать из дома.

– Нет, не испытывала, – прямо ответила она.

– Почему же? – Гейбриел впился в нее хищным взглядом.

Диана расправила плечи:

– Я... – Ответить она не успела, так как Соумз принес чай. Дворецкий поставил поднос на стол у камина.

Гейбриел не без удивления отметил, что чай приготовлен для двоих; судя по осуждающему взгляду Дианы, каким она смерила его бренди, она не одобряла распитие крепких напитков перед обедом – да и вообще относилась к спиртному отрицательно.

К черту! Ему плевать, что одобряет и чего не одобряет леди Диана!

Гейбриел нарочито не спеша допил бренди и поставил пустой бокал рядом с чайным подносом. Внутри разлилось приятное тепло, хотя настроение его совсем не улучшилось.

Дождавшись, пока дворецкий выйдет, он напомнил:

– Кажется, вы собирались рассказать, почему вы не сбежали, как ваши сестры.

– Хотите чаю, милорд?

– Нет, не хочу. – Он прищурился, догадываясь, что его собеседница нарочно тянет время.

Диана захлопала длинными ресницами:

– Вы не любите чай?

– Чай не принадлежит к тем вещам, по которым я особенно скучал в годы жизни за границей, – сухо признался он.

Диана не спеша налила в свою чашку ароматную жидкость, а затем подняла голову и посмотрела на него в упор:

– Надеюсь, милорд, ваше путешествие из Венеции прошло благополучно?

Он досадливо передернул плечами:

– Диана, на тот случай, если вы собираетесь и дальше отвлекать меня от дела глупой болтовней, хочу предупредить: я не люблю, когда мне заговаривают зубы.

– Мне говорили, во время войны вас считали героем, – заметила она, прищуриваясь.

Она слышала о его воинских подвигах? Может быть, до нее дошли и другие слухи о нем – клевета, запятнавшая его честь восемь лет назад?

Диана сразу заметила, что Гейбриел как будто замкнулся в себе.

– Что еще вы обо мне слышали?

– В каком смысле, милорд? – Ее небесно-голубые глаза воззрились на него с самым невинным выражением.

С годами Гейбриел приучился давать отпор не только врагам, но и так называемым друзьям, не предоставляя им даже малейшей возможности задеть его. И вот теперь ему посмела бросить вызов какая-то девица, проведшая всю жизнь в сельской глуши!

– В любом смысле, Диана, – не сразу ответил он.

Диана презрительно повела красивыми плечами:

– Милорд, я никогда не слушаю досужих сплетен. Но, даже если бы и слушала, – продолжила она, когда Гейбриел начал было успокаиваться, – я, к сожалению, совсем недавно в Лондоне, и у меня здесь почти нет знакомых. Вот почему у меня не было ни времени, ни возможности выслушивать какие бы то ни было... признания.

Гейбриел с удивлением понял, что его молодая собеседница ничего не боится; свое мнение она высказывала ясно и без колебаний. Будь на то его воля, он бы живо отправил Диану назад, в сельскую глушь, задолго до того, как у нее появится возможность «выслушивать какие бы то ни было признания»...

Она изящно выгнула брови:

– Может быть, вам будет угодно меня просветить?

Гейбриел невольно залюбовался ею. Как хороша! Просто великолепно. И держится холодно и несколько отстраненно, явно давая ему понять, что тема, на которую они беседуют, мало интересует ее, если интересует вообще. Будь сам Гейбриел не так чувствителен к упомянутой теме, красивой леди Диане, возможно, даже удалось бы его провести...

– Во всяком случае, не сейчас, – сквозь зубы процедил он. – Только не думайте, будто я забыл, о чем мы с вами говорили прежде...

– О чем же?

Он глубоко вздохнул, призывая себя сохранять самообладание, хотя руки снова непроизвольно сжались в кулаки.

– Я желаю знать, почему, узнав о моем скором возвращении в Англию, вы не сбежали неведомо куда, как ваши сестры, но приехали в Уэстборн-Хаус?

Диана высокомерно повела плечами:

– Как прикажете вас понимать, сэр? Может быть, вы, как новый владелец имущества, намекаете на то, что у меня больше нет права жить здесь?

Гейбриел сделал еще одну попытку повернуть разговор в нужное русло. Он вынужден был признать, что беседовать с Дианой совсем непросто!

– Нет, ничего подобного я не имею в виду. Будучи моей подопечной, вы, разумеется, имеете полное право жить во всех своих домах и поместьях. Интересно, сознавали ли вы, что

я, узнав о вашем отъезде из Шорли-Парка, естественно, сделаю Уэстборн-Хаус своей резиденцией?

– Да, я все понимала.

– И что же? – Разговор все более и более смущал Гейбриела.

Диана невозмутимо пила чай; поставив чашку на блюдце, она ответила:

– Но ведь причина моего приезда сюда совершенно очевидна!

– Вы, наверное, хотели навести справки о двух своих сестрах?

– Да, о них я подумала в первую очередь.

– А во вторую? – Гейбриел почувствовал, как на виске у него снова запульсировала жилка. Кроме того, у него задергалось левое веко! Диана чуть подалась вперед, чтобы поставить чашку с блюдцем на серебряный поднос, и он увидел восхитительную ложбинку между ее сливочно-белыми грудями. Гейбриел невольно залюбовался ее полной, упругой грудью, которая казалась слишком зрелой для ее стройной, еще девичьей фигуры, подчеркнутой покроем платья. Бросив взгляд на ее изящные тонкие руки в кружевных белых перчатках, он подумал: пусть Диана Коупленд родилась и выросла в провинции, она леди до кончиков ногтей! Уверенная в себе и искренняя молодая леди, которая...

– Во вторую очередь, милорд, я дожидалась здесь вашего прибытия потому, что решила принять ваше брачное предложение.

Если бы Гейбриел сейчас пил бренди, он бы неминуемо подавился!

Глава 2

Сохраняя внешнюю невозмутимость, Диана встала, подошла к окну и, повернувшись к нему спиной, стала поправлять цветы в вазе. Она надеялась, что лорд Гейбриел Фолкнер, чьей женой она только что согласилась стать, не заметит охватившее ее смятение.

Впрочем, ее слова, судя по всему, совершенно ошеломили новоиспеченного графа; его темно-синие глаза недоверчиво прищурились, и он как будто на время утратил дар речи.

В другое время Диана, возможно, и порадовалась бы, что ей удалось застигнуть врасплох такого надменного и искушенного человека, как лорд Гейбриел Фолкнер. К сожалению, сейчас она куда с большей радостью встретила бы несколько иную его реакцию.

Конечно, граф знал, что все три сестры Коупленд отказались выйти за него замуж. Может быть, он и вовсе раздумал жениться на одной из своих подопечных? В таком случае Диана сейчас поставила в неловкое положение не только себя саму, но и его – ему ведь придется как-то выпутываться из нежелательной помолвки. Хотя, может статься, граф Уэстборн так странно отнесся к ее словам по другой причине. Например, ему не понравилась ее внешность – или ее характер не подходит для будущей графини. Вспомнив все свои недавние беды, Диана пришла в отчаяние. Как ей мириться с новым унижением?

После затянувшегося молчания Гейбриел наконец обрел дар речи.

– Поправьте меня, если я ошибаюсь, – наконец сказал он, – но разве вы не назвались старшей из трех сестер Коупленд?

Диана обернулась к нему, на ее чистом лбу проступила еле заметная морщинка.

– Да, совершенно верно...

Он окинул ее недоверчивым взглядом:

– Мой поверенный дал мне понять, что старшая из сестер Коупленд уже помолвлена. Значит, он ошибся?

Диана судорожно вздохнула, чувствуя, как к лицу приливает краска.

– Увы, милорд, вашего поверенного неправильно информировали. Я не помолвлена... и не была помолвлена официально! Понятия не имею, от кого мистер Джонстон мог слышать подобную нелепицу! – язвительно продолжала она.

Гейбриел, не сводивший с нее взгляда, заметил и густой румянец, и горделивый наклон головы, и вызывающий взгляд небесно-голубых глаз. Интересно, что послужило причиной такой вспышки? Сомнение вызывала и ее уклончивость, с какой она говорила о своей помолвке... Он стиснул зубы.

– По словам Джонстона, ему все рассказала одна из ваших сестер.

– Вот как? – Диана снова надменно подняла светлые брови. – Тогда, боюсь, речь идет не о неверных сведениях... Просто мистер Джонстон неправильно истолковал то, что ему сказали.

Гейбриел почему-то так не считал... Уильям Джонстон достался ему по наследству вместе с титулом, поместьями и тремя подопечными – сестрами Коупленд. Ранее Джонстон вел дела отца трех девушек, Маркуса Коупленда, предыдущего графа Уэстборна. Поверенный не особенно понравился Гейбриелу, он решил, что мистер Джонстон излишне самодоволен и мелочен. Однако профессия поверенного требует никогда ничего не принимать на веру и не истолковывать превратно полученные сведения, тем более имеющие отношение к одному из самых его состоятельных и титулованных клиентов. Интересно, почему Диана расторгла предыдущую помолвку?

Гейбриел посмотрел на Диану в упор:

– Кто из вас двоих передумал – вы или ваш жених?

– Я же вам сказала, никакого жениха у меня нет! – возразила она.

– Ну, ваш поклонник. Наверное, он решил, что женитьба на титулованной молодой особе, чья судьба отныне зависит от доброй воли ее опекуна, куда менее приятная перспектива, чем женитьба на старшей дочери богатого графа? – спросил Гейбриел, бросив на нее понимающий взгляд.

Диана очень долго не отводила взгляда в сторону, но потом резко отвернулась, решив, что он не увидит слез, которые заблестели на ее ресницах. Будь он проклят!

Нет... будь прокляты все мужчины! И особенно Малком Касл, бесхарактерный слизняк!

Они с Малкомом вместе росли. Вместе играли в детстве и танцевали на балах, когда вошли в возраст. Вместе гуляли в морозные зимние деньки и теплые летние вечера. Именно Малком подарил Диане первый поцелуй после того, как признался ей в любви.

Раньше ей казалось, что и она влюблена в Малкома. Ее отец в целом одобрительно относился к их дружбе, постепенно перераставшей в нечто большее. И родителей Малкома, местного сквайра и его супругу, очевидно, радовала мысль о том, что их сын женится на старшей дочери богатого графа Уэстборна. Жизнь казалась Диане безмятежной. Неожиданно все изменилось. Как только что, со свойственной ему прямоотой, заметил лорд Гейбриел Фолкнер, бесприданница, старшая дочь покойного графа Уэстборна уже не привлекала в качестве жены ни самого Малкома, ни его родителей. Отец Дианы умер так внезапно, что не успел привести свои дела в порядок и распорядиться состоянием дочерей. Теперь их жизнь и судьба отданы на милость новоиспеченного графа – а лорд Гейбриел, который так долго не участвовал в жизни общества, оставался для них неизвестной величиной. Диана, конечно, заметила, что после скорпостижной смерти ее отца Малком стал навещаться в Шорли-Парк куда реже, чем прежде. Он больше не приглашал ее на прогулки и не пытался ее поцеловать. Разумеется, они больше не ездили на балы и приемы, потому что Диана и ее сестры были в трауре. Сама Диана ни о чем не подозревала, считала, что Малком не приезжает в гости из деликатности, полагая, что сестрам Коупленд сейчас хочется побыть одним.

Но на прошлой неделе Диана узнала, в чем дело... Она нечаянно подслушала разговор двух горничных, любительниц досужих сплетен, о помолвке Малкома с некоей мисс Верой Дуглас, дочерью богатого купца, который недавно купил себе дом в их краях. Словно желая усугубить оскорбление, Малком в тот самый день явился в Шорли-Парк и принялся просить у Дианы прощения за то, что сам не рассказал ей о своей помолвке. Он уверял, что жениться на другой его заставляют родители, сам же он по-прежнему всем сердцем любит Диану. Возможно, Диана еще и простила бы Малкома, если бы он признался ей, что полю бил другую, но слушать его уверения, что он женится на богатой наследнице, повинувшись воле родителей, было выше ее сил! В самом деле, жалкий слизняк! Правда, даже тогда в глубине души Диана понимала, что может себя поздравить с избавлением от такого жениха. Но предательство Малкома задело ее гордость. Как унижительно было ловить на себе сочувственно-любопытные взгляды соседей!

Поэтому она, будучи девушкой практического склада, решила, что наилучшим для нее выходом, который одновременно покончит со сплетнями, станет согласие выйти замуж за лорда Гейбриела Фолкнера, седьмого графа Уэстборна. Она выйдет за него, даже не зная его, невзирая на неприятные слухи о скандале, связанном с именем Гейбриела. О громком скандале вполголоса переговаривались соседи Дианы, но ей ничего не было известно. Она решила, что даже подобная участь лучше сочувственных разговоров. Ведь всем известно, что жених променял ее на дочь отошедшего от дел купца!

– Правильно ли я понимаю, что единственная причина, по которой вы решили принять мое предложение, заключается в разрыве вашей предыдущей помолвки? – дерзко осведомился граф, отчего Диана сразу вскипела.

Приняв рассудочное решение выйти за наследника отцовского титула, Диана не знала, что он так дьявольски красив, высок и статен, так модно и элегантно одет... и так раздражающе

проницателен! Ему хватило нескольких минут, чтобы угадать истинную причину ее согласия выйти за него замуж!

– Нам недвусмысленно дали понять, что одна из нас должна принять ваше предложение, если мы хотим и дальше жить в Шорли-Парке, – вызывающе ответила она.

На лицо Гейбриела набежала тень.

– Кто же дал вам это понять, позвольте узнать? – мрачно спросил он.

– Разумеется, мистер Джонстон!

Гейбриел не видел в ее ответе никакого «разумеется».

– Объяснитесь, пожалуйста!

Диана досадливо вздохнула:

– В свой последний приезд ваш поверенный объявил: если все мы откажем вам, то останемся не только без гроша, но и без крыши над головой!

Гейбриел стиснул челюсти и почувствовал, как на виске снова пульсирует жилка.

– Именно так он выразился в разговоре с вами? Таковы были его подлинные слова?

Диана надменно тряхнула золотисто-рыжими локонами:

– Я не имею привычки лгать, милорд!

Если это в самом деле так – а Гейбриел не имел оснований полагать, что Диана намеренно вводит его в заблуждение, – значит, Уильям Джонстон значительно превысил свои полномочия. Сестры Коупленд не виноваты, что у них нет брата, который унаследовал бы титул и поместья, как не виноваты они и в том, что их отец не позаботился об их будущем перед своей скоропостижной кончиной. Черт побери, он, Гейбриел, сделал свое предложение, руководствуясь исключительно соображениями пристойности! Он прекрасно понимал: если бы не переменчивая судьба, титул достался бы кузену сестер Коупленд, а не ему, человеку постороннему. Кузену, который, можно надеяться, отнесся бы к дочерям покойного графа Уэстборна по справедливости – как сейчас хочет поступить он сам! Он сжал губы и сказал:

– Поверьте, я не имею намерения выгонять вас или ваших сестер из вашего собственного дома – ни сейчас, ни в будущем.

Диана явно смутилась:

– Но мистер Джонсон вполне недвусмысленно дал нам понять, что...

– Судя по всему, мистер Джонстон полез не в свое дело, – с мрачным видом ответил Гейбриел, заранее предвкушая, какой разнос устроит самодовольному маленькому выскочке, который, очевидно, до того запугал трех бедных девушек, что те почувствовали себя зверьками, попавшими в капкан. – Значит, вот почему убежали ваши сестры?

– По-моему... да, его слова послужили катализатором.

Гейбриел смерил ее любопытным взглядом:

– Только катализатором?

Диана поморщилась:

– Мои сестры последние годы считали, что жизнь в Шорли-Парке в каком-то смысле ограничивает их. Не поймите меня превратно, – поспешно добавила она, видя, как Гейбриел поднимает брови. – И Каролина, и Элизабет были вполне послушными девушками. Они смирились с решением отца не вывозить нас на лондонские сезоны, да и вообще не выводить нас в свет...

– Правильно ли я полагаю, что ваш отец принял такое решение из-за того, что произошло с вашей матерью десять лет назад? – мягко спросил он.

Небесно-голубые глаза под длинными ресницами смерили его удивленным взглядом.

– Да, после того, как мать нас оставила, отец, естественно, обвинял во всем... нравы, царящие в столичном обществе.

Обстоятельства сложились так, что сам Гейбриел много лет не принимал участия в жизни столичного общества. Тем не менее он вполне понимал и даже разделял мнение о нем покой-

ного графа. Коупленд, несомненно, стремился оградить от сплетен своих впечатлительных дочерей.

– Он не боялся, что, заперев вас в Хэмпшире, добьется прямо противоположного результата? Что одна из вас или все вы поддадитесь искушению поступить так же, как в свое время поступила ваша мать, и бежать в Лондон?

– Конечно нет! – возмутилась Диана. – Как я уже сказала, Каролина и Элизабет находили жизнь в провинции немного ограниченной, но они бы ни за что не причинили боль отцу, открыто выказав ему свое неповиновение!

– Очевидно, по отношению ко мне они подобных чувств не испытывали, – заметил Гейбриел, мрачно поморщившись. – Судя по тому, что вы поспешили в столицу, вы считаете, что ваши сестры обосновались в Лондоне.

Откровенно говоря, Диана понятия не имела, куда подались ее сестры после того, как покинули Шорли-Парк. Но, безуспешно поискав их вблизи от дома, она решила, что Лондон с его искушениями и развлечениями стал для младших сестер центром притяжения. До тех пор пока Диана сама не приехала в столицу, она и не понимала, насколько Лондон велик и оживлен. И как трудно ей будет отыскать двух молодых девиц среди многочисленных местных жителей!

– Я верила, что мне удастся отыскать здесь хотя бы одну из них. Видите ли, сестры мои уехали порознь, – объяснила она, когда Гейбриел снова вопросительно поднял брови. – Первой исчезла Каролина, а два дня спустя за ней последовала Элизабет. Каролина всегда была наиболее порывистой из них двоих. – Она досадливо поморщилась, однако видно было, что сестру она очень любит.

Лицо Гейбриела зловеще нахмурилось.

– Надеюсь, им хватило ума взять с собой хотя бы своих горничных?

Диана виновато посмотрела на него и ответила:

– Мне кажется, обе они решили, что горничные свяжут им руки...

– Что?! Вы хотите сказать, что ваши сестры находятся где-то в Лондоне... без всякой защиты?! – ошеломленно переспросил граф.

Диана не меньше его встревожилась, приехав в Лондон и поняв, какие опасности поджидают здесь молодую женщину, которая путешествует в одиночку. Приставания на улице и грабеж – меньшие из зол!

– Надеюсь, с ними ничего плохого не случилось и они заранее уговорились встретиться, когда обе окажутся в столице...

Надежда была весьма смутной; Диана вспомнила, как удивлялась и как негодовала Элизабет, узнав об исчезновении Каролины.

– Во всяком случае, уверена, что с ними ничего плохого не случится. Возможно, когда-нибудь мы все вместе даже посмеемся над этим приключением.

Оптимистичные слова Дианы ни на миг не обманули Гейбриела, он видел морщинки, проступившие на ее чистом лбу. Она откровенно боялась за своих сестер, и он, будучи хорошо знакомым с изнанкой лондонской жизни, прекрасно понимал ее опасения и разделял их.

– Полагаю, вы-то не явились в Лондон без сопровождения?

– О нет, – поспешно заверила его она. – Со мной приехали тетя Хамфриз и обе наши горничные.

– Кто такая тетя Хамфриз?

– Младшая сестра отца. Ее муж был военным моряком; к сожалению, он был убит в Трафальгарском сражении.

– Значит, сейчас она вместе с вами проживает в Хэмпшире?

– Да, после гибели мужа.

Голова у Гейбриела пошла кругом. Значит, его обременили не только тремя молодыми, непослушными подопечными, но и пожилой вдовой!

– Где же ваша тетка сейчас?

Диана ответила, словно извиняясь:

– Тетя не любит Лондон, с самого нашего приезда она не покидает своих апартаментов. И следовательно, совершенно бесполезна в роли компаньонки своей племянницы!

– Итак, – мрачно подытожил Гейбриел, – поправьте меня, если я ошибаюсь... Вы решили принести себя в жертву, чтобы сестры, узнав о вашей помолвке, вернулись домой?

Диана смело посмотрела ему в лицо и ответила:

– Да, я на это надеюсь.

Гейбриел мрачно, невесело улыбнулся:

– Ваша отвага, мисс, внушает восхищение.

Она как будто изумилась:

– Моя отвага?

– Хотя вы жили в глуши, до вас наверняка дошли слухи о том, что человек, за которого вы намерены выйти замуж, восемь лет был изгоем!

– Я, конечно, слышала... разные слухи и косвенные намеки, – серьезно ответила Диана. В этом Гейбриел несколько не сомневался!

– И они вас не пугают?

Конечно, неизвестность ее пугала. Но никто не решался рассказать ей всю правду о том давнем скандале...

– А должны? – медленно спросила она.

Он со скучающим видом пожал плечами:

– Ответить на этот вопрос можете только вы. Диана слегка нахмурилась:

– Может быть, вы соблаговолите просветить меня? Из-за чего разгорелся скандал?

Его красивые губы тронула горькая усмешка.

– Зачем вам знать?

Диана ответила ему удивленным взглядом:

– Как же вы не понимаете? Разумеется, для всех заинтересованных сторон будет лучше, если вы первый расскажете мне, в чем вас обвиняли. В таком случае я буду избавлена от злорадства какой-нибудь недружественной третьей стороны!

– А если я предпочту ничего вам не рассказывать? – спросил он.

Ее отказ явно вызвал ее разочарование.

– Может быть, вы убили кого-нибудь? – спросила она.

Гейбриел невесело улыбнулся:

– Я убил столько, что уже и счет потерял!

Ее голубые глаза укоризненно сверкнули.

– Я не имела в виду войну!

– Нет.

– У вас одновременно было больше одной жены?

– Определенно нет! – изумленно ответил Гейбриел, считавший и единственную жену весьма неприятной перспективой. Двоеженство определенно не для него – он еще не сошел с ума!

– Вы жестоко обращались с ребенком или животным?

– Нет и нет, – сухо ответил он.

Она снова передернула стройными плечами:

– В таком случае мне все равно, что думают о вас окружающие; я решила принять ваше предложение и приму его.

– Значит, по-вашему, самыми тяжкими грехами для мужчины являются убийство, двоеженство и жестокость к детям и животным? – Неожиданно ему стало весело.

– Раз вы предпочитаете хранить молчание, у меня не остается иного выхода... – Вдруг Диана как будто оробела и тихо продолжала: – Но может быть, теперь, когда мы с вами познакомились, вам расхотелось жениться на мне?

Гейбриелу показалось, будто ее красивое лицо омрачила тревога. Неужели молодой идиот, который, несомненно, отказался от Дианы из-за внезапной перемены в ее жизненных обстоятельствах, лишил ее веры в собственную привлекательность? Если так, значит, ее бывший поклонник не только беззастенчивый охотник за приданым, но и слепой!

Диана Коупленд, вне всяких сомнений, настоящая красавица, а вовсе не «уродливая толстуха», как предположил Озборн, когда впервые услышал о том, что Гейбриел предложил руку и сердце одной из сестер Коупленд, хотя ни разу их не видел! Более того, Диана не только красива, но и умна – и обладает несомненными талантами. Гейбриел прекрасно понимал, что только благодаря ее усилиям он приехал в дом, не населенный грызунами и не пахнущий плесенью, а полный молчаливых и расторопных слуг. Короче говоря, лучшей графини он себе не представляет. Более того, «теперь, когда они познакомились лично», Гейбриел понял и еще одну, довольно неожиданную выгоду, которую получит, если женится на Диане... Брак с ней не будет ему в тягость. Если вынуть булавки из ее золотисто-рыжих волос, они наверняка достигнут ее талии. А ее высокие, полные груди будет так приятно держать в ладонях! Ее стройная фигура так и ждет, когда его пылкие губы приступят к медленному, неспешному исследованию. Правда, Диана держится холодно и несколько надменно, не давая поверить в возможность их интимной близости – во всяком случае, в благосклонность с ее стороны. Может быть, она до сих пор влюблена в своего охотника за приданым? И все же, если Диана выйдет за него, лорда Гейбриела Фолкнера, графа Уэстборна, ей придется позволить своему мужу все.

Граф молчал; Диана все больше тревожилась. Хотя он продолжал разглядывать ее, она ничего не могла прочесть в его темно-синих глазах под полуприщуренными веками. Неужели она так подурнела? Неужели многолетние обязанности хозяйки в отцовском поместье и матери двух младших сестер иссушили ее и украли ее красоту? Неужели Гейбриел Фолкнер сейчас придумывает, как бы повежливее отказаться от нее?

– Вы понимаете, что браки в нашем кругу заключаются в первую очередь для рождения наследников?

Услышав его тихий голос, Диана резко вскинула голову и почувствовала, как снова густо краснеет. Встретившись с его пытливым взглядом, она с трудом выговорила:

– Я понимаю, что такова одна из причин, побудивших вас искать себе жену... да, я понимаю.

– Не одна из причин, но единственная причина, заставившая меня подумать о брачных узах, – возразил Гейбриел Фолкнер, и его надменное лицо сделалось холодным и замкнутым.

Диана облизнула кончиком языка внезапно пересохшие губы.

– Милорд, я прекрасно понимаю, что входит в обязанности примерной жены.

Его красивый рот растянулся в язвительной усмешке.

– Вы меня удивляете – ведь у вашей матушки, насколько мне известно, интерес к супружеским обязанностям абсолютно отсутствовал!

От его резкости она вначале изумленно распахнула глаза, но тут же опомнилась и горделиво выпятила подбородок.

– Вы были знакомы с моей матушкой, сэр?

– Лично – нет, – презрительно бросил он, показывая, что не испытывал такого желания.

– Значит, вы не знаете, почему она оставила мужа и детей, верно?

– Неужели существует какое-либо благовидное объяснение для подобного поступка? – возразил он.

В том, что касается Дианы и ее сестер? Нет, она вовсе не оправдывала поведение матери. Ну а отец... Маркус Коупленд так и не оправился после того, как жена бросила его, уйдя к

более молодому человеку, и превратился в собственную тень, хотя прежде отличался крепким здоровьем и жизнерадостностью. Он часами просиживал в своем кабинете, где частенько и обедал и ужинал – если не забывал о еде. Нет, Диана не могла найти оправдания своей матери, Харриет Коупленд, бросившей мужа и детей. Но ей стало неприятно, что ее мать судит Гейбриел Фолкнер, на чьем прошлом также имеется большое пятно – настолько черное, что о нем предпочитают не распространяться.

– Я – не моя мать, сэр, – холодно произнесла она.

– Хвала Небесам...

Она сурово сдвинула брови. Его колкости она терпеть не намерена!

– Если, все обдумав, вы переменили свое мнение о предложении мне руки и сердца, тогда, прошу, скажите обо всем прямо. Нет необходимости оскорблять мою мать, которую вы, по вашему же собственному признанию, даже не знали!

Откровенно говоря, Гейбриел не испытывал никакого интереса к отношениям покойных Маркуса и Харриет Коупленд – он прекрасно знал, что браки в высшем обществе часто заключаются без любви и после того, как на свет появляются такие необходимые наследники, муж и жена по молчаливому взаимному согласию заводят себе любовников на стороне. Диана действительно не в ответе за свою мать, которая предпочла уйти из семьи ради молодого любовника, который и убил ее, застав в объятиях другого мужчины. Он не сомневался: холодная, собранная и откровенная Диана Коупленд, хотя такая же поразительная красавица, как и печально знаменитая Харриет, по характеру ничуть не похожа на свою мать!

– Ваша мать рожала только дочерей, – сухо протянул он.

Ее голубые глаза снова полыхнули огнем.

– В противном случае вас бы сейчас здесь не было!

– Туше! – одобрительно улыбнулся Гейбриел.

– Никто не может заранее предсказать, у кого родятся сыновья, а у кого – дочери, – продолжала Диана.

– Тоже верно. – Он склонил голову. – Сейчас меня интересует вопрос: готовы ли вы к физической близости, необходимой для рождения детей? Если первым нашим ребенком будет девочка, нам придется повторять попытки до тех пор, пока не родится мальчик.

Диана судорожно вздохнула. После предательства Малкома она много думала, ловя на себе сочувственные взгляды соседей и друзей. Она не сразу решила принять заочное предложение лорда Гейбриела Фолкнера. Она уверяла себя: выйдя за него, она не только восстановит попорченную гордость, но и вернет домой сестер – ведь над ними больше не будет нависать угроза брака с человеком, которого они не любят! В конце концов Диана решила: обе причины вполне разумны и позволяют ей принять предложение Гейбриела. Но сейчас, познакомившись с ним лично, она уже не чувствовала себя разумной девушкой...

Она украдкой посмотрела на него из-под полуопущенных ресниц. От ее взгляда не укрылись превосходно сшитые сюртук, жилет, панталоны и сапоги, подчеркивающие его широкие плечи, мускулистую грудь, узкую талию, крепкие бедра и длинные, стройные ноги. Когда же она вскинула голову и посмотрела в его дьявольски красивое лицо, ее обдало жаром: она заметила, с каким насмешливым выражением смотрели на нее его темно-синие глаза. По спине ее пробежал холодок, она поняла, что не может оторвать взгляда от его темных как ночь, завораживающих глаз! Неожиданно Диана вздрогнула, не зная, вызван ли ее отклик страхом или предвкушением неведомого блаженства. Хотя легкое стеснение в груди намекало скорее на последнее.

Собственные ощущения немало удивили Диану – ведь Гейбриел ее и пальцем не тронул! Когда ее целовал Малком, она испытывала лишь приятное тепло; сейчас же, при одном лишь взгляде на Гейбриела, она почувствовала, как вся пылает...

– Как я уже сказала, мне кажется, что я понимаю, каковы обязанности примерной жены, и готова выполнять их, – сухо произнесла она.

– Может быть, прежде, чем принимать окончательное решение, проверим теорию на практике? – протянул он.

Диане не понравился хищный блеск, который она снова заметила в его темно-синих глазах.

– Как же нам проверить теорию на практике?

Он задумчиво поднял брови:

– Предлагаю начать с простого поцелуя.

– Начать?! – вздрогнула она.

– Вот именно.

Диана судорожно сглотнула. Только гордость помешала ей отступить, когда Гейбриел, двигаясь с кошачьей грацией, приблизился к ней почти вплотную. Он оказался совсем рядом, и она почувствовала идущий от него жар и его особый, мужской аромат, который завораживал и возбуждал ее. Когда же она наконец подняла глаза и увидела его прекрасное лицо, у нее перехватило дыхание. Его глаза были полуприкрыты длинными черными ресницами, высокие красивые скулы подчеркивали аристократический нос, четко очерченные губы разомкнулись, волевой подбородок говорил о непреклонности.

У нее самой внезапно пересохло во рту, ей стало трудно дышать – более того, у нее закружилась голова от нехватки воздуха!

Чутье подсказывало ей: поцелуи этого мужчины не идут ни в какое сравнение с целомудренными прикосновениями Малкома Касла, который, впрочем, не слишком утруждал себя нежностями.

Сердце у Дианы часто забилося, грудь сдавило сладкое томление, когда он уверенно обхватил ее за талию сильными руками и притянул к себе. Затем Гейбриел склонил голову... Чутье не обмануло Диану. Поцелуй Гейбриела действительно не шел ни в какое сравнение с поцелуями Малкома...

Прижимаясь к его мощной груди, она, задышавшись, позволила его губам овладеть своими полураскрытыми губами. Он начал медленно, не спеша, словно знакомился с ней, а затем раздвинул ей губы языком и проник в ее жаркий, влажный рот. У Дианы сердце готово было выскочить из груди; поцелуй затянулся, и ее обдало жаром, она задрожала, ее руки уперлись Гейбриелу в грудь. Вначале она собиралась оттолкнуть его, но, неожиданно для себя, прильнула к нему и затрепетала в его объятиях. Он почувствовал ее отклик, потому что его ладони прошли сверху вниз по ее спине, уверенно остановились на ягодицах... И вот она уже вплотную прижата к его крепким бедрам.

Диана никогда ничего подобного не испытывала – ни целуясь с Малкомом, ни слушая рассказы тети Хамфриз. Тетушка провела со старшей племянницей беседу о семье и браке, когда той исполнилось шестнадцать; верная своему долгу старшей, Диана пересказала слова тетки двум младшим сестрам, как только решила, что они уже достаточно подросли и сумеют все понять. И все же ничто не подготовило ее ни к страстным поцелуям Гейбриела, ни к тесному (в буквальном смысле) знакомству с выпуклостью, пульсирующей между его ногами.

Угадав растущий страх Дианы, Гейбриел решил остановиться. По неуверенности, робости ее ответного поцелуя он угадал, что идиот, предавший ее, ни разу не целовал ее по-настоящему, не говоря уже о том, чтобы дать ей представление о грядущем физическом наслаждении.

Он украдкой любовался ею, все больше сознавая, как ему хочется познакомить ее со всеми мыслимыми интимными удовольствиями. Он нехотя выпустил ее тонкую талию и, приняв невозмутимый вид, отошел от нее.

– Думаю, сейчас самое подходящее время, чтобы указать вам на вашу оплошность. Совсем недавно, расспрашивая меня о характере моих прошлых прегрешений, вы упустили из виду один вопрос.

– Вот как? – Она удивленно захлопала ресницами, щеки у нее по-прежнему пылали.

– Да, – с мрачным видом подтвердил Гейбриел.

Диана тряхнула головой, как будто желая навести порядок в мыслях.

– О чем же я вас не спросила?

– Вы не обвиняли меня в том, что я лишил невинности девушку, которая понесла от меня ребенка, а затем отказался на ней жениться.

Ком подступил к горлу Дианы; она знала, что смертельно побледнела.

– Значит, вот в чем вас обвинили?

– О да. – Он невесело улыбнулся. Глаза его затуманились.

Испытав страх в первый миг, она почувствовала, как кровь пульсирует в жилах, как внешне увлажнились ладони и задрожали колени. Ни она и никакая другая порядочная женщина не могут выйти за такого бесчувственного человека, такого бесчестного...

Нет, не может быть! Диана снова тряхнула головой. Гейбриел признался, что его обвинили в тяжком преступлении; он не сказал, что виновен...

Она пытливо посмотрела на него. Его лицо стало тяжелым и непроницаемым – такого человека нелегко одурачить. Его темно-синие глаза стали холодными и словно закрылись. Однако Диана не видела в выражении его лица ни хитрости, ни злобы – скорее он походил на человека, который не любит, когда сомневаются в нем или его поступках. Наверное, сейчас он думает, будто она усомнилась в нем.

Она судорожно вздохнула:

– Вы сказали, что вас обвинили в таком преступлении, однако не сказали, что вы действительно повинны в том, в чем вас обвинили!

Темно-синие глаза прищурились, и он тихо ответил:

– Да, именно так.

– Значит, вы не признаете своей вины?

Гейбриел едва заметно одобрительно улыбнулся.

Восемь лет назад никто из его близких не удосужился задать ему подобный вопрос, все предпочли поверить Дженнифер Линдсей. Даже его друзья, Озборн и Блэкстоун, ни разу не спросили его о том, что же тогда произошло. Впрочем, оба достаточно хорошо знали его и не верили, что он способен в самом деле лишиться невинности молодую женщину, а затем бросить ее с ребенком!

Просто невероятно, чтобы такой вопрос задала ему Диана Коупленд, молодая девушка, с которой он только что познакомился... Более того, он нарочно целовал ее страстно, как будто вовсе не ценил такой добродетели, как девичья невинность.

Гейбриел смотрел на нее не отрываясь.

– Нет, не признаю. – Глаза его превратились в узкие щелочки, потому что она по-прежнему хмурилась. – Вы задали мне вопрос, и я на него ответил. Значит, вы сомневаетесь в моей честности?

– Вовсе нет. – Она покачала головой. – Вот только... На что надеялась та девица... как и вообще любая девица... выдумав такую чудовищную ложь?

– Будучи единственным сыном, я был наследником отцовского состояния и земель, – объяснил Гейбриел.

– «Был»?!

Губы его плотно сжались.

– Шесть лет назад, умирая, отец завещал и капиталы, и недвижимое имущество моей матери. К счастью, я не страдал от нужды, так как получал проценты с дохода от земель моего деда, их у меня отобрать не могли.

– Значит, семья и общество много лет назад так сурово обошлись с вами из-за лжи той девицы? – спросила Диана.

– Да, – нехотя ответил он.

Она наградила его сочувственным взглядом:

– Должно быть, вам пришлось вдвойне горько – ведь вы знали, что неповинны в таком преступлении!

– У вас есть только мое слово, – напомнил он с мрачным видом.

– А в вашем слове нужно сомневаться? – осторожно спросила она, бросив на него вопрошительный взгляд.

Гейбриел нахмурился:

– Моя милая Диана, будь я в самом деле таким чудовищем, каким меня все считают, я бы наверняка солгал, сказав: нет, не нужно.

Она ласково улыбнулась:

– Я так не думаю. По-моему, вы такой человек, который предпочитает говорить правду и... похоже... вам безразлично мнение окружающих!

Да, в самом деле, она точно описала его характер. Он всегда был таким, и прошедшие восемь лет лишь усугубили его черты. Ну не поразительно ли? Эта девушка уже настолько хорошо его изучила, что поняла и приняла его характер...

– Что же случилось с... той девицей? – робко продолжала Диана.

Гейбриел процедил сквозь зубы:

– Мой отец щедро заплатил тому, кто женился на ней.

– А ребенок?

На виске у Гейбриела снова запульсировала жилка.

– Умер не родившись.

Диана с грустью покачала головой:

– Как печально!

– Теперь вы все знаете и по-прежнему желаете стать моей супругой? – прямо спросил он.

После недавнего поцелуя лицо у нее побледнело, волосы слегка растрепались, но в ее небесно-голубых глазах он прочитал уже знакомую ему решимость.

– Вы не больше в ответе за то, в чем вас несправедливо обвинили, чем я – за поступок моей матери, бросившей мужа и трех дочерей.

Гейбриел хмыкнул.

– Представляю, какую пищу даст сплетникам сообщение о нашей помолвке!

Она улыбнулась немного печально:

– Вне всякого сомнения. Возможно, если вы надеетесь снова войти в высшее общество, в котором когда-то вращались, вам все же не следует связывать свою судьбу с одной из дочерей Харриет Коупленд?

Лицо Гейбриела помрачнело.

– Меня совершенно не интересует высшее общество, я не желаю снова в нем вращаться, и мне все равно, как будут обо мне думать представители этого общества. Меня не интересует, что представители так называемого света подумают обо мне и о женщине, которую я намерен сделать своей женой, графиней Уэстборн.

– Значит, мы обо всем договорились? – В ожидании его ответа Диана затаила дыхание.

– Я позабочусь о том, чтобы объявление о нашей помолвке появилось в газетах в самое ближайшее время. – Он резко склонил свою надменную голову.

Вот чего добивалась Диана; она знала, что помолвка не только спасет ее гордость после предательства Малкома, но и поможет вернуть сестер. И все же при мысли о том, что она стала невестой несгибаемого и непокорного лорда Гейбриела Фолкнера, чье прошлое затмевает даже поступок ее матери, она невольно вздрогнула. В груди снова возникло странное томление, когда она вспомнила, как лорд Гейбриел Фолкнер совсем недавно с такой страстью целовал ее.

Она по-прежнему не понимала, вызвана ли ее дрожь мрачными предчувствиями или предвкушением чего-то хорошего...

Глава 3

– Я всерьез начинаю сомневаться в том, что ваша тетя Хамфриз существует на самом деле, – сухо заметил Гейбриел на следующее утро, когда они с Дианой вдвоем сидели в малой столовой за завтраком, поданным молчаливым и расторопным Соумзом.

Почти весь вчерашний день прошел у Гейбриела в разъездах. Он побывал в редакциях нескольких газет, съездил в контору поверенного Джонстона и к одному старому боевому товарищу, которому Гейбриел поручил разыскать Доминика Вона. Впрочем, Гейбриел успел к ужину; переодевшись, он присоединился к Диане в столовой.

За ужином присутствовала только Диана. Миссис Хамфриз прислала свои извинения. Утром она снова передала через горничную, что не спустится вниз.

Диана улыбнулась:

– Уверяю вас, тетя Хамфриз существует, но ужасно страдает от нервного расстройства. По правде говоря, она вовсе не желала ехать в Лондон и согласилась только потому, что я настояла, – подчеркнуто добавила она.

Гейбриел сурово сдвинул темные брови:

– Хорошо, что ей хотя бы хватило здравого смысла не пускать вас в столицу одну! Но, поскольку сразу по приезде она удалилась к себе и с тех пор не покидает своих комнат, вряд ли она оказывает вам большую помощь. Более того, ее затворничество стало совершенно неприличным после того, как здесь поселился я.

Диана бросила на него вопросительный взгляд:

– Что же в этом неприличного, раз вы мой опекун?

– Опекун, который теперь к тому же официально является вашим женихом.

Гейбриел протянул ей через стол раскрытую газету, которую до того читал.

Диана взяла ее дрогнувшей рукой и стала отыскивать соответствующую колонку. Наконец она увидела то, что ее интересовало. «Настоящим объявляется о помолвке лорда Гейбриела Максуэлла Картера Фолкнера, седьмого графа Уэстборна (Уэстборн-Хаус, Лондон), и его подопечной, леди Дианы Харриет Беатрис Коупленд (Шорли-Парк, Хэмпшир). Бракосочетание состоится в ближайшее время в церкви Святого Георгия на Ганновер-сквер». И больше ничего. Ни имен родителей Гейбриела, ни ее родителей. Сухо и коротко... И все же, лишь увидев объявление напечатанным, она поняла, что помолвлена на самом деле. Сотни людей во всем Лондоне сейчас завтракают и, как и они, читают газеты... Нет, Диана не передумала после того, как вчера они обо всем договорились. Не покоробили ее и слова о том, что «бракосочетание состоится в ближайшее время». Она считала: чем скорее, тем лучше, и желательно до того, как Малком Касл обвенчается с Верой Дуглас! Нет, Диана не жалела о своем решении, но печатное объявление о помолвке заставило ее новыми глазами взглянуть на Гейбриела Фолкнера. Впрочем, она и в нем не испытывала сомнений после того, как вчера побывала в его объятиях и попробовала на вкус его поцелуи! При одном воспоминании о вчерашнем опыте она краснела, вчера, после того как она поднялась к себе, ей еще долго не удавалось уснуть...

Никакие рассказы тетушки Хамфриз о том, что происходит между супругами в спальне, не подготовили Диану к пьянящему восторгу, охватившему ее, когда Гейбриел обнимал и целовал ее. Жар. Трепет. Страстное желание испытать нечто неведомое – она еще не знала, что именно, но не сомневалась, что скоро все узнает в союзе с таким опытным и искушенным мужчиной...

Гейбриел украдкой наблюдал за ней. Вначале Диана сильно побледнела, но затем лицо ее покраснелось и стало почти одного оттенка с платьем, которое было на ней сегодня; румянец сопровождался почти лихорадочным блеском небесно-голубых глаз, когда она взмахнула длинными ресницами и посмотрела на него.

– Может быть, вас встревожили слова «в ближайшее время»? – спросил он.

– Нет, что вы, – искренне удивилась Диана. – Конечно, вначале мне бы хотелось разыскать сестер, но я не буду против, если свадьба состоится сразу после того, как они найдутся.

– В самом деле? – Гейбриел смерил ее мрачным взглядом. – Я-то воображал, что вы, возможно, захотите дать вашему молодому человеку – надеюсь, он и в самом деле молод? – время одуматься. Он осознает свою ошибку, бросится к вашим ногам и признается вам в вечной любви!

Поняв, что Гейбриел ее дразнит, Диана залилась еще более густым румянцем.

– Да... он и в самом деле молод... и очень глуп. И даже если бы он поступил так, как вы говорите, я бы ни за что не поверила ему и не ответила на его притязания! – Она решительно сжала свои восхитительно полные и соблазнительные губы.

Гейбриел откинул голову на спинку стула и смерил свою невесту задумчивым взглядом. Невозможно отрицать, что Диана красива. Не приходится сомневаться и в том, что у нее сильная воля. Однако удивительнее всего то, что она и не думает прощать своего поклонника! Хотя вчера тут же поверила в невиновность Гейбриела, не получив ни единого доказательства, кроме его слова...

Он сжал челюсти.

– Может быть, вы соизволите сообщить, как зовут этого молодого человека? Тогда, если он вздумает явиться к вам с визитом, я с радостью откажу ему от дома, – добавил он, когда Диана устремила на него подозрительный взгляд.

– Мне кажется, в подобном случае, если он, конечно, возникнет, я и сама сумею постоять за себя, – высокомерно возразила она.

Гейбриел прекрасно понимал, насколько у Дианы сильный характер – да и как могло быть иначе, если ей с одиннадцати лет пришлось совмещать роли хозяйки в отцовском доме и матери для двух младших сестер? Имя молодого идиота, отказавшегося от Дианы, интересовало его из чисто эгоистических побуждений; узнав, что Диана не намерена отказываться от своего слова сама, Гейбриел решил удостовериться в том, что ее никто не переубедит. Во-первых, если их помолвка расстроится сразу после объявления в газетах, они оба окажутся в чрезвычайно глупом положении. И во-вторых, после вчерашнего поцелуя он понял, что семейная жизнь с Дианой сулит не одни лишь заботы...

Под внешней холодностью и той практичной распорядительностью, какую она выказала, готовя Уэстборн-Хаус к проживанию, Гейбриел разглядел нежную и страстную молодую женщину, которую он с радостью познакомит с миром физических наслаждений. И он определенно не позволит какому-то молодому идиоту, охотнику за богатым приданым, вновь морочить Диане голову. Он никому не позволит украсть свою невесту из-под самого носа... и других частей тела!

– Тем не менее вы обязаны будете доложить о нем мне, если он появится, – возразил Гейбриел, сжав губы.

Его диктат, видимо, раздосадовал Диану.

– По-моему, мне следует напомнить вам, милорд, что я привыкла сама решать все вопросы, связанные со мной.

Он смерил ее задумчивым взглядом и сказал:

– По-моему, раз мы теперь помолвлены, вам придется оставить свою привычку.

Диана впервые поняла: согласившись стать женой Гейбриела, она круто изменила свою жизнь. И едва ли перемены придутся ей по вкусу. Целых десять лет она не отчитывалась ни перед кем, кроме себя самой; годы ответственности за отца и сестер развили в ней определенную независимость, от которой ей, возможно, нелегко будет отказаться. Даже ради мужа.

– Я не привыкла к тому, чтобы кто-то принимал решения за меня, – повторила она.

В последнем Гейбриел несколько не сомневался, более того, он без опасений думал о будущей семейной жизни именно потому, что Диана не оказалась ни жеманной старой девой, ни дебютанткой с наивно распахнутыми глазами, которая только и жаждет влюбиться и надеется, что ее избранник будет так же страстно влюблен в нее, как она в него.

– Не сомневаюсь, со временем мы оба привыкнем и приспособимся друг к другу.

Диана понимающе улыбнулась:

– По-моему, вы имеете в виду, что со временем я приучусь принимать ваше мужское превосходство!

Неожиданно для себя Гейбриел улыбнулся в ответ.

– А вы не согласны? – спросил он.

Она покачала головой:

– Я не верю, что вы хотя бы чуть-чуть превосходите меня лишь потому, что вы мужчина. Да и по характеру своему я не способна на рабское, беспрекословное подчинение.

После знакомства с Дианой Гейбриел понял: меньше всего ему хочется, чтобы жена беспрекословно и рабски подчинялась ему. Когда около недели назад Гейбриел делился с Осборном и Блэкстоуном своими планами, он заверил друзей, что женится лишь по необходимости и по расчету. Во-первых, он решил расстаться с холостой жизнью потому, что ему, носителю графского титула, нужна жена, а во-вторых, из чувства долга по отношению к сестрам Коупленд, оставшимся после внезапной смерти отца без средств к существованию. В этом случае Гейбриел, естественно, рассчитывал обрести покорную жену, которая будет беспрекословно ему подчиняться. Но вчера, разглядев огонь, таящийся под холодной внешностью Дианы, Гейбриел осознал, что, по крайней мере в брачной постели, покорности ему совсем не хочется!

– Что такое, милорд? – Диана пытливо взглянула на него, так как молчание затянулось. Неужели она сказала слишком много? Или чересчур откровенно проявила свой характер? Она искренне верила, что будущему супругу лучше заранее узнать ее недостатки, чем совершать неприятные открытия после свадьбы! Но может быть, она была непозволительно откровенна? – Наверное, я могла бы... скажем, несколько подавлять свою потребность в независимости.

Глаза его сверкнули.

– Уверяю вас, я не потребую от вас, чтобы вы подавляли свои естественные порывы, – ответил он, кивком отпуская Соумза. Дождавшись, пока дворецкий выйдет, он продолжил: – Диана, я ожидал, что в браке в лучшем случае буду скучать, – и вот теперь с облегчением понял, что в нашем с вами случае дело будет обстоять совсем не так.

Она наградила его изумленным взглядом:

– А может быть, вам не следует торопиться и найти себе жену, которую вы полюбите?

– Любовь! – хмыкнул Гейбриел.

Диана поразилась, как ему удалось вложить такую бездну презрения в единственное слово.

– Вы не верите в любовь? – осторожно осведомилась она.

Он презрительно изогнул верхнюю губу:

– Моя милая Диана, я узнал, что любовь способна надевать самые разные маски – и все они фальшивые.

Она понимала, в чем причина такого цинизма. В прошлом Гейбриела подвергли настоящему остракизму по ложному обвинению в том, что он якобы соблазнил и бросил невинную девушку. Интересно, любил ли он ее до того, как она решила его обмануть? Пожалуй, Диана сочувствовала своему жениху и в чем-то даже разделяла его отношение к любви. Малком Касл ведь тоже обманывал ее, уверяя, что до сих пор ее любит, хотя и собирается жениться на другой!

Она вздохнула:

– Наверное, вы правы и прочнее всего именно брак вроде нашего, в основе которого не лежит такое неуловимое и переменчивое чувство, как любовь.

Услышав в голосе Дианы печальные нотки, Гейбриел нахмурился. Его невеста очень красива и молода, ей всего двадцать один год. Не рановато ли для столь практичного подхода к любви и браку? Впрочем, пример собственных родителей и предательство бывшего поклонника наверняка способствовали развитию подобных воззрений. В конце концов, самому Гейбриелу исполнилось всего двадцать лет, когда ему преподали жестокий урок!

– Что совсем не подразумевает... – подойдя к ней, он взял ее за руку и без труда поднял на ноги, – что наша семейная жизнь будет лишена иных... радостей, способных возместить отсутствие любви.

Поняв, что он снова собирается ее поцеловать, она изумленно захлопала ресницами:

– Но... милорд, сейчас всего девять утра!

Гейбриел запрокинул голову и расхохотался:

– Дорогая моя, надеюсь, вы не будете налагать временные ограничения на то, когда и где мне изъявлять вам свою благосклонность?

Диана вспыхнула. В самом деле, Гейбриел Фолкнер вряд ли позволит кому бы то ни было хоть в чем-то себя ограничивать! Как же его нетерпение и пыл не сочетаются с рассказами тетушки Хамфриз о семейной жизни! Тетка внушала ей, что муж и жена, как правило, в течение дня занимаются каждый своими делами. Муж просматривает счета, почту, ездит в свой клуб. Жена же ведет дом: составляет меню, отвечает на письма, принимает гостей и сама ездит в гости, а в свободное время вышивает или читает. Вечера супруги, как правило, проводят вместе, либо дома, либо в гостях, а затем возвращаются домой и расходятся по своим спальням. Одну, а иногда две ночи в неделю супруги проводят вместе, и тогда обязанность жены – исполнять все прихоти своего мужа. На вопрос Дианы о том, что у мужа за прихоти, тетушка Хамфриз ответила весьма уклончиво. Она намекнула на некие мужские «потребности», которые жена должна удовлетворять «молча и не жалуясь»...

К счастью, Диана немного представляла, какими могут быть эти «потребности»; ее отец разводил в хэмпширском поместье оленей. Девушка полагала: то, что происходит между мужем и женой в супружеской постели, не очень отличается от процесса совокупления животных. Ничего удивительного в том, что тетка предпочла не обсуждать с ней столь недостойное занятие!

Впрочем, тетка Дианы ни разу не обмолвилась о том, что муж – или, в их случае, жених – имеет обыкновение целовать свою нареченную и днем. Особенно так, как вчера... При воспоминании о вчерашнем поцелуе Диана густо покраснела и расправила плечи:

– Вчера я уже уверяла вас, милорд, что сознаю свои обязанности по отношению к будущему мужу.

Гейбриел насупился. Черт побери, он не желает, чтобы Диана позволяла ему целовать ее лишь из чувства долга, ему хочется, чтобы сегодня она добровольно подарила ему то, что он так требовательно взял у нее вчера.

– Гейбриел, – хрипло поправил он и заметил, как на ее стройной шее снова запульсировала жилка.

– Милорд, пока мы не поженились, я не должна обращаться к вам по имени, – сказала она, с притворной скромностью опуская глаза.

Он стиснул зубы.

– По-моему, сейчас вы уже знаете меня достаточно хорошо и понимаете, что мне наплевать на всякие там «приличия».

Диана робко улыбнулась:

– Я не уверена... – Она осеклась, когда Гейбриел резко притянул ее к себе и прильнул губами к ее полным и чувственным губам, которые дразнили и искушали его весь последний

час. Вначале Диана очень соблазнительно пила чай, а затем ела тост, намазанный маслом и медом. Глядя на нее, он представлял, на что еще окажутся способны ее восхитительные пухлые губки в недалеком будущем...

От нее пахло медом, который она так щедро намазала на тост; она оказалась не только восхитительно сладкой, но и пробудила в нем жар, заставивший его забыть все на свете. Насладившись ее чувственными медовыми губами, он погрузился в горячие, влажные глубины ее рта.

В изгнании Гейбриел никогда не испытывал недостатка в женском обществе, его окружали многочисленные поклонницы – блондинки, рыжие, черноволосые смуглые итальянки, молодые и не очень. Все они, как правило, обладали необходимым опытом, и у всех было скандальное прошлое. Все они, раз попав к нему в постель, стремились задержаться в ней подольше. С годами он стал искусным любовником, способным удовлетворить даже самых требовательных и пылких женщин. Однако с ними он удовлетворял лишь свои плотские желания. Во время частых интимных свиданий Гейбриел давал волю лишь первобытным эмоциям. Теперь же, держа в объятиях Диану, лаская нежные изгибы ее тела, пробуя ее на вкус и наслаждаясь ее инстинктивно сладким откликом, он ощутил нечто совсем иное. В нем пробудились нежданная мягкость и нежность, ему захотелось ее защитить. Подобные чувства он считал если не совсем отмершими, то давно и прочно забытыми. Такие желания, как он убедился на собственном горьком опыте, в лучшем случае можно было назвать неосторожными, а в худшем – опасными. Он хотел лишь постепенно подготовить Диану к радостям супружества, расплавляя ее внешнюю холодность. И все же, какой бы соблазнительной она ему ни казалась, Гейбриел вовсе не намерен был давать волю чувствам!

Поняв, что его мысли приняли неожиданный оборот, он поспешно оторвался от ее губ и отстранил ее от себя.

– По-моему, нам следует на этом остановиться... как вы считаете, Диана?

В первый миг Диана еще не успела опомниться и не поняла, почему ее жених так внезапно оборвал поцелуй, но затем его слова проникли за дымку окружившего ее тумана, и она залилась густым румянцем. Может быть, он решил, что его будущей жене не подобает так пылко отвечать на его поцелуи? Она попятилась и, хотя у нее подкашивались колени, холодно заметила:

– Но ведь вы сами начали целовать меня, сэр!

Он ответил ей надменным взглядом:

– Вы сомневаетесь в моем праве так поступать?

Неожиданно Диана поняла: после того как она станет женой Гейбриела, она уже не будет иметь права спрашивать его о том, что он может у нее потребовать. Справится ли она? Вынесет ли подобное обращение? Сумеет ли стать для него не просто вещью, которая покорно позволяет ему делать с ней все, что он пожелает? Диана рассердилась.

Если брак с ним спасет ее гордость после предательства Малкома, уверявшего ее в своей любви, – тогда да, она как-нибудь смирится с остальным.

– Извините, если вам показалось, что я... веду себя не так, как диктуют приличия, – чопорно заявила она. – Дело в том, что я... расстроена из-за бегства Каролины и Элизабет и еще не привыкла к тому, что объявление о нашей помолвке появилось в газетах.

Гейбриел тут же пожалел о своей резкости и даже почувствовал себя виноватым, но всего на миг. Он решил, что нежные чувства, вспыхнувшие в нем, пока он целовал Диану, не способны растопить лед его разочарования жизнью. Гораздо лучше держаться на некотором расстоянии. Хотя он и предвкушал, с каким удовольствием будет после свадьбы знакомить молодую жену с радостями интимной жизни, он вовсе не собирался разжигать в ней чувственность раньше времени. Кроме того, поддавшись романтическому порыву, она неизбежно снова испытает разочарование, и более глубокое, чем после предательства ее малодушного поклонника.

Гейбриел отступил и решительно заложил руки за спину, чтобы противостоять искушению снова прикоснуться к ней.

– Не сомневаюсь, после того, как общество узнает о нашей помолвке, нас завалят визитными карточками и приглашениями в гости. – Губы его скривились в презрительной усмешке. – Все на перебой будут приглашать к себе лорда Гейбриела Фолкнера, вернувшегося в Лондон после восьмилетнего отсутствия, – и из светской вежливости, и из простого любопытства. Каждому будет лестно сказать, что он первый принял нас у себя! Думаю, нет нужды напоминать, что вы не должны принимать ничьих приглашений, не посоветовавшись вначале со мной, – добавил он.

Диана вспыхнула от возмущения:

– Пусть я и прожила всю жизнь в деревне, мне кажется, что я все же умею вести себя как подобает! И разумеется, я не приму никаких гостей или приглашений, не обсудив их прежде с вами!

Гейбриел натянуто улыбнулся:

– Моя просьба не имеет никакого отношения к правилам приличия... Видите ли, я попросту не желаю иметь дела с большинством прежних знакомых!

Диана прекрасно понимала причину приказа Гейбриела, пусть даже он и назвал его просьбой. Она была полностью согласна с женихом. В столице наверняка не забыли ее мать; Диана считала, что она и сама привлечет к себе всеобщее любопытство. Она охотно согласилась предоставить право выбора Гейбриелу. Пусть он сам решает, какие приглашения принять, а какие отклонить. Он, несомненно, лучше ее знает свет; оставшись без помощи, она наверняка тут же совершит какую-нибудь оплошность.

Она сдавленно вздохнула и сказала:

– Пожалуй, поднимусь к тете и посмотрю, как она себя чувствует.

– Пожалуй, было бы неплохо намекнуть ей, чтобы вечером она присоединилась к нам за ужином!

Диана прекрасно поняла, что *намек* является по сути таким же приказом, как и высказанная им только что *просьба*.

– Разумеется, я осведомлюсь, позволит ли ей самочувствие вечером спуститься к ужину, – холодно ответила она. Ей тоже можно начинать вести себя так, как она рассчитывает поступать впоследствии; она не собиралась допускать, чтобы Гейбриел, каким бы надменным по природе он ни был, обращался с ней властно и указывал ей, что делать.

Он слегка нахмурился:

– Полагаю, это лучшее, на что я смею надеяться?

– Да. – Диана не мигая смотрела в его темно-синие глаза.

Гейбриел одобрительно улыбнулся. Надо отдать Диане должное – она не робеет при первых признаках опасности.

– Сегодня я намереваюсь осторожно навести справки о ваших сестрах. Будьте добры, опишите мне их внешность...

Внимательно выслушав Диану, которая охотно снабдила его подробными приметами сестер, он поинтересовался:

– Не хотите ли сообщить мне еще что-нибудь перед тем, как я уеду?

– Что, например? – удивилась Диана.

Гейбриел глубоко вздохнул:

– Например, не могла ли какая-нибудь из ваших сестер бежать со своим поклонником?

– Конечно нет! – возмутилась Диана.

Гейбриел, словно защищаясь, поднял руки вверх:

– Я обязан все предусмотреть.

Ее красивое лицо снова вспыхнуло от негодования.

– Возможно, милорд, мои сестры поступили опрометчиво, убежав из дома, но поверьте мне, они не настолько безрассудны, чтобы безвозвратно погубить свою репутацию!

Гейбриел пожалел, что не разделяет уверенности своей невесты по отношению к беглянкам. К тому же, даже если девицы вначале и не помышляли о побеге с поклонниками за прошедшее время, их положение вполне могло измениться. По словам Дианы, Каролина пропала больше двух недель назад, а Элизабет покинула дом спустя всего два дня. Времени вполне достаточно для того, чтобы какие-нибудь бессовестные мошенники заметили двух молодых девушек и воспользовались их одиночеством и беззащитностью.

– Рад слышать, – только и ответил он, потому что не хотел огорчать ее еще больше. – Пожалуйста, передавайте тетушке мое почтение.

Он широким шагом вышел из столовой. Диана смотрела ему вслед, любуясь его широкими плечами, тонкой талией, которую столь выгодно подчеркивал черный сюртук, и длинными, мускулистыми ногами, которые облевали темно-желтые панталоны. Он так красив, а его поцелуй разжигает в ней такой жар, что благоразумнее всего, пожалуй, вовсе не думать о нем!

– Чуть не забыл... – вдруг сказал Гейбриел. Он остановился на пороге и круто развернулся к ней. Диана в изящной позе стояла посреди комнаты. – Мне известно, что графство Хэмпшир довольно обширно, но не знаете ли вы, случайно, семью по фамилии Мортон, они там живут?

Он уже поручил своим боевым товарищам разыскать в Хэмпшире Доминика Вона и женщину, на которой Доминик, по его признанию, собирался жениться, но нельзя упускать и возможности что-то выяснить у Дианы. Вдруг она знакома с невестой его друга? Недавний поцелуй совершенно сбил его с толку.

– Мортон? – удивилась Диана. – Такую фамилию носит наш дворецкий в Шорли-Парке. Кроме него, я никаких Мортонов не знаю.

Гейбриел насторожился:

– В самом деле? Есть ли у него семья? В особенности меня интересуют дочери, достигшие брачного возраста.

– О его семье мне неизвестно... Нет, уверена, что дочери у него нет, – решительно повторила Диана. – Мортон служит у нас много лет. Если бы у него была хотя бы одна дочь, я бы наверняка о ней знала.

Гейбриел усмехнулся:

– А странно, однако, что такую фамилию носит ваш дворецкий...

– Что тут странного, милорд? – озадаченно спросила Диана.

– Пока не знаю. – Он помрачнел. Чем дальше, тем непонятнее казалась ему головоломка. – Хоть что-то для начала, – буркнул он. – А может быть, у вашего дворецкого есть племянница, которая носит эту же фамилию?

– При мне он ни о какой племяннице не упоминал... – На сливочно-белом лбу Дианы показалась морщинка. – Милорд, почему вас так интересует женщина по фамилии Мортон?

Гейбриел застыл на месте:

– Почему вы решили, будто она меня интересует?

Лицо ее зарделось нежным румянцем.

– Я так подумала, поскольку вы о ней спрашиваете...

– Ну да... Я ведь упомянул о ее возрасте, и вы, несомненно, подумали, что я либо сейчас, либо в прошлом испытывал по отношению к ней личный интерес? – осведомился он. Глаза его заблестели, хотя она так и не поняла природы этого блеска. Диана не знала, что и подумать. Его вопросы показались ей странными. Правда, в последнее время они оба ведут себя странно. Она не ожидала, что так бурно отреагирует на его поцелуй, а он оборвет ласки так неожиданно и так внезапно... Вдруг ей стало ясно, что на самом деле она почти не знает мужчину, женой которого согласилась стать. Вчера она поверила, когда он сказал, что не соблазнял ту девушку

и не бросал ее с ребенком. Однако ей, возможно, придется подвергнуть его слова сомнению, если окажется, что девица, с которой он водил дружбу восемь лет назад, – та самая, кого он разыскивает сейчас...

Глава 4

Наблюдая за выразительным лицом Дианы, на котором отражались все ее чувства, Гейбриел прищурил свои мерцающие темно-синие глаза. Она озадачена. Встревожена... Насторожилась!

– Итак? – спросил он резко.

Горло ее дрогнуло; прежде чем заговорить, она проглотила подступивший ком.

– Не знаю, что и думать, милорд.

– Тогда, может быть, с вашей стороны благоразумнее будет помалкивать до тех пор, пока вы что-то не узнаете, – сердито выпалил он. Восемь лет назад он перенес все возможные подозрения и обвинения. Он не собирался снова оправдываться перед молодой женщиной, которая скоро станет его женой.

«Даже если эта молодая женщина вчера поверила тебе на слово, когда ты заявил, что невиновен?» – спросила его совесть.

Он бросил на Диану гневный взгляд. Ноздри у него раздувались, на скулах заходили желваки. Он не привык объясняться и оправдываться, и все же...

– Если уж вы так хотите знать, я ищу эту женщину из-за своего друга, меня самого она совершенно не интересует, – нехотя сказал он.

– Из-за вашего друга, милорд?

Гейбриел принужденно улыбнулся, понимая, как трудно Диане поверить ему.

– Хотите – верьте, хотите – нет, какие-то друзья у меня все же остались. Друзья, которые хранили мне верность долгие годы, невзирая на то, что думали обо мне мои родственники и общество!

Диана вовсе не хотела его обидеть, ей просто любопытно было узнать, кто такая молодая дама по фамилии Мортон и что она значит для Гейбриела. Например, не может ли она оказаться его любовницей? Приняв его брачное предложение, она не задумалась о том, что у него, возможно, уже есть постоянная содержанка. Неужели он будет продолжать связь с ней даже после женитьбы?

Тетка рассказывала ей, что в высшем обществе муж и жена после рождения наследников часто предоставляют друг другу полную свободу и ищут спутников для любовных утех на стороне. Диане неприятна была мысль о том, что такое же будущее грозит и ее семейной жизни.

– Рада слышать. – Она склонила голову. – Значит, вы разыскиваете даму по фамилии Мортон ради одного из ваших друзей?

– Да, именно так я и сказал.

Расслышав в его голосе вызов, она подняла голову и заглянула в его темно-синие глаза, в которых появился уже знакомый блеск.

– Надеюсь, что ваши поиски увенчаются успехом.

Гейбриел тоже на это надеялся. Он боялся, что Доминик попадет в ловушку расчетливой особы и будет навсегда изгнан из общества; поскольку сам Гейбриел пережил нечто подобное, он не желал такой участи для одного из своих ближайших друзей. Правда, тревога за друга не повод, чтобы сносить подозрения Дианы...

– Ты не можешь связать свою судьбу с Гейбриелом Фолкнером! Он бессовестный негодяй! – воскликнула тетя Хамфриз, в ужасе вытаращив глаза; она лежала в шезлонге в гостиной, примыкавшей к ее спальне. Диане показалось, что в гостиной у тетки слишком жарко и душно и мебели здесь, пожалуй, многовато. Жар шел не только от пламени в камине, но и от солнца, проникавшего в гостиную через большое окно-эркер.

– Тетя, сейчас он лорд Гейбриел Фолкнер, седьмой граф Уэстборн, – тихо напомнила она.

– Ну... да. Кстати, его мать была обходительной и очаровательной женщиной...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.